

(Москва)

С. А. Есенин и Г. Д. Гребенщиков (о сближениях и расхождениях)

Гребенщиков был связан с писателями крестьянского направления и входил в круг общения Есенина. При известных точках пересечения их творческих судеб они во многом писатели противоположных воззрений и жизненного пути, что определило особенности воспоминаний Гребенщикова о Есенине, различия в их восприятии Америки, советской России, молодого поколения, конфликта цивилизаций, становления культур. В статье предпринят сопоставительный анализ основных мотивов эссеистики, эпистолярного наследия того и другого.

Ключевые слова: Америка, Гребенщиков, Есенин, индустриализация, Мариенгоф, Кусиков, Рерих, цивилизация, Чураевка.

Г. Д. Гребенщиков имел прямое отношение к писателям крестьянского направления. В 1919 г. (до 5 октября) было написано «Заявление инициативной группы крестьянских поэтов и писателей об образовании крестьянской секции при московском Пролеткульте» за подписями А. А. Ганина, Г. Д. Гребенщикова, С. А. Есенина, П. И. Карпова, И. М. Касаткина, С. А. Клычкова, Н. А. Ключева, П. В. Орешина, А. П. Чапыгина, А. В. Ширяевца, В. Я. Шишкова и др. Фамилии были написаны рукой Есенина. Ключев обратил внимание на прозу Гребенщикова еще до революции, он писал В. С. Миролубову в 1914 г. (ноябрь–декабрь): «Получил ноябрьский № журнала. Как он меня радует, Ваш журнал! Какие чудесные вещи у Гребенщикова!»¹. В 1914 г. на страницах «Ежемесячного журнала» (1, 2, 10) Миролубова были опубликованы рассказы Гребенщикова «Лесные короли», «На Иртыше», «Змей Горыныч». Ключев в его восприятии – «монолитный старовер» (447)². Находясь в эмиграции, он оставался в орбите внимания

крестьянских писателей; в нью-йоркском журнале «Зарница» (1926. № 11) под заглавием «Г. Д. Гребенщикову» было опубликовано стихотворение Клычкова «Люблю тебя я, сумрак предосенний...» (впервые: «Начало». Иваново-Воскресенск. 1922. № 2–3). Возможно, оно оказалось в Америке стараниями С. Т. Конёнкова, общавшегося с Гребенщиковым (о чем можно судить, например, по следующему факту: Конёнков был на вечере, посвященном двадцатилетию литературной деятельности Гребенщикова).

Есенин и Гребенщиков познакомились предположительно осенью 1915 г. в Петрограде. Они воспринимались в едином литературном контексте; так, петроградская газета «Дело народа» (1919. 25 мая. № 40) опубликовала статью «Книгопечатание» за подписью Н. В., где оба были поставлены в один ряд как писатели, обратившиеся к теме провинции. В воспоминаниях о Есенине («Серёжа Есенин», 1926) Гребенщиков назвал его братом и крестьянином. В обоих было здоровое отношение к реальности, к вещи-утвари. В обоих была любовь к жизни, выразившаяся в есенинском витализме и в целенаправленной креативности Гребенщикова. Как было сказано в рецензиях И. Г. Савченко на «Былину о Микуле Буяновиче» (1924) и вторую часть эпопеи «Чураевы» («Спуск в долину, 1925»), Гребенщиков – «вещный из вещных русских писателей», «Воистину, вряд ли в русской литературе есть еще другой писатель, столь щедро напоенный и упоенный радостным ощущением жизни»³. Есенин и Гребенщиков схожи максимализмом, одержимостью, но первый – творческой, второй – созидательной. В отличие от Есенина, Гребенщиков ради устройства своего американского бытия на время мог отказаться от творчества. Вот фрагмент его письма к Савченко от 7 декабря 1926 г., в котором отразились и его страстное желание обустроить свою жизнь в Америке, «из дикого куса сделать культурный уголок», и его зараженность «американскими масштабами деловитости», «американской энергией, находчивостью, подвижностью»: «Невозможно было совместить работу на земле и суету сует Нью-Йорка. Кроме того, захотел самостоятельности, независимости. За

это время бросил всякие писания, бросил книги, поставил на карту все, что имел, затратил всю наличность, задолжал – и купил сто акров дачной, великолепной по красоте местности. Более тридцати акров уже разбазарил, покрыл часть долгов, построил зимний дом, оплатил всю землю и теперь, богатый, но без копейки, задумываю новое наступление – разбить на мелкие участки часть земли и начать продажу для издания дальнейших томов Эпопеи и для дальнейшего строительства. Если хватит пороку и терпения, может быть, построю целый “городок отдыха” для людей искусства и культуры, привлеку американцев... Но могу и сорваться, так как ухлопал уже много сил, энергии и нервов... И опасно запустил литературу» (473–474).

Воспоминания Гребенщикова о Есенине были опубликованы в «Зарнице» (1926. №. 9. С. 12 – 13). Они отмечены искренностью, теплым отношением к «Серёже», к его таланту, но и неллицеприятным, строгим суждением о его образе жизни, что сближает их с «Плачем о Сергее Есенине» (1926) Клюева. Эту строгость мы объясняем несходством характеров: Гребенщиков – правильный, при всем своем максимализме знающий этические пределы и, возможно, не знающий стихии страстей, Есенин – исключение из правил, сочетание противоположностей.

Воспоминания Гребенщикова начинаются не с апологии поэзии Есенина, а с сожаления по поводу его «деревенско-бесшабашного хулиганства», придавшего его дару «уродливо-буйственное направление» (446). Гребенщиков рано почувствовал, что Есенин «нехорошо кончит» (447). Он пишет: у Есенина «умерла душа еще в ранней юности», «она сказала в нем в самые последние годы», но была уже «изранена» и даже «бескрыла» (448). Причем, по Гребенщикову, в поэте выразилась общая национальная черта – «русское деревенское хулиганство XX века» (448). Не будем вдаваться в специфику деревенского и городского хулиганства, но, скорее всего, речь идет не о злонамеренности или жестокости, а об инфантильности, избыточности, стихийности.

Гребенщиков ищет объяснения смерти Есенина, «огромного поэта» (448), в нем самом, он сосредоточен на его противоречиях. Он говорит о пьянстве поэта в раннюю пору и о том, что его внешность («розовый мальчик») отвечала совершенно иной судьбе: «<...> он мог быть русским писанным удалым молодцем, он мог быть грустным молитвенником, он мог быть нежнейшим целомудренным русским юношей» (446). Гребенщиков вспоминает о ноябрьском вечере 1915 г. у «культурнейшего джентльмена» Е. И. Замятина, на котором Есенин «из особого ухарства» читал пронизанную религиозным чувством маленькую поэму «Микола» (опубликована 25 августа 1915 г.) «с папироскою в зубах» (447). Тогда Гребенщиков даже решил, что в Есенине нет «духовной чистоты и радости, которая озаряет жизнь всякого настоящего художника и ведет его к вершинам совершенства» (447). Он видит некую искусственность в личной жизни Есенина: «Было ненатурально, когда потом Сережа, женившись» на З. Н. Райх, «вскоре бросил ее и метнулся к экстравагантной А. Дункан» (447). «Вчерашний пахарь» сегодня во фраке «дебоширит в Берлине, Париже, Америке», бьет «зеркала в лучшем ресторане» из-за «болезненного излома души» (447). Гребенщиков описывает выступление Есенина, А. Н. Толстого, А. Б. Куסיкова, А. Ветлугина (В. И. Рындзюна) на вечере «Нам хочется вам нежное сказать...» в Берлине 1 июня 1922 г., где Есенин «бросал какие-то нарочито ужасные слова о Руси» (447). И. И. Ионов со слов Толстого рассказал, как перед вечером Гребенщиков подарил Есенину том «Чураевых», надписал его, но 2 июня отправил ему письмо: «Вчера, в порыве воспоминания о вас, о нашем знакомстве и дружбе, я подарил вам книгу и сделал на ней, по-моему, несколько неосторожную надпись. Прошу вас вырвать эту страницу и прислать мне ее обратно, так как пока не получу ее назад, я не успокоюсь. Во имя нашего знакомства прошу вас это сделать»⁴. Однако получил отказ. 10 октября 1922 г. в рижской газете «Сегодня» (№ 228) без подписи и без ссылок на статью Иопова под рубрикой «Пыль богемы: Берлинские заметки» была опубликована статья, в которой описан

этот же инцидент и причины настроения Гребенщикова сведены к имажинизму: «Как известно, имажинистом Есенин стал только во время большевизма, и новая его физиономия Гребенщикову была неизвестна»⁵.

В размышлениях Гребенщикова о Есенине, возможно, нет той глубины, которая, например, есть в словах Н. А. Оцупа: «Музой Есенина была совесть. Она и замучила его»⁶. Точка зрения Гребенщикова соответствовала отношению эмигрантов к жизни Есенина. В очерке Гребенщикова «“Право, славные ли мы?”» (Письмо члену Христианского общества Молодых людей – Е. Н. Р.)» (апрель 1927) приведена цитата из адресованного ему письма, в котором была выказана жалость к советским молодым людям, которые плывут «без руля и без ветрил», пребывают в безверии, пессимизме, разлагаются физически, приходят к самоубийству – и «даже поэт Есенин жертва такого же безверия» (340). Сам Гребенщиков полагал, что Есенину не хватило воли. Отметим, однако, что в воспоминаниях Гребенщикова о Есенине есть и указание на внешние обстоятельства, повлиявшие на судьбу поэта: ему нужна была для излечения «лучшая правда и красота жизни», а грянули война и революция, он стал «самым левым бунтарем» (447) и был назван антисемитом. В этих словах, на наш взгляд, отмечена оппозиционность Есенина. Но каким было отношение самого Гребенщикова к Советам?

Есенин хотел понять Октябрь: «Хочу я быть певцом / И гражданином», «Быть настоящим, / А не сводным сыном / В великих штатах СССР», «Давай, Сергей, / За Маркса тихо сядем»⁷ («Стансы», 1924) [II, 135, 137]. Скорее всего, на такое настроение повлияли впечатления от индустриальной Америки. Впечатления настолько сильные, что техническим прогрессом оправдывалась судьба индейцев: «И не жаль, что рука строителей этой культуры была иногда жестокой», поскольку «индеец никогда бы не сделал на своем материке того, что сделал “белый дьявол”» (168). Он соотносил американскую историю с русской современностью: «Обиженным на жестокость русской революции культурникам не мешало бы взглянуть на

историю страны, которая так высоко взметнула знамя индустриальной культуры»⁸ [V, 168]. Согласно комментариям к академическому полному собранию сочинений Есенина лексема «культурники» соотносится с дискуссией, начатой статьей Л. Д. Троцкого «Эпоха „культурничества“ и ее задачи» (газ. «Правда, М., 1923, 1 июля, № 145).

В целом у Есенина адекватное отношение к власти, литературной политике, к советской России, в которой он «пасынок»⁹ [VI, 154]. Об этом свидетельствует его письмо к Кусикову от 7 февраля 1923 г. Но строки из «Железного Миргорода» (1923) «Да, я вернулся не тем. Много дано мне, но и много отнято. Перевешивает то, что дано <...> Зрение мое переломилось особенно после Америки» [V, 162] говорят о том, насколько искренне он желал индустриализации России и почему он оправдывал цивилизационные проекты советского правительства. Он писал там же: «С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство» [V, 163], не исключал сближения своего творчества с коммунистами. Другое дело, что вопреки этому он остался чужим: «Другие юноши поют другие песни» («Русь советская», 1924) [II, 95]; как написал ранее Кусикову: «<...> в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь» [VI, 154].

В отношении Гребенщикова к новой России мы видим такие же несоответствия желаний и обстоятельств. 16 мая 1926 г. в «Основании скита. Группе молодых друзей» он писал членам харбинской «Молодой Чураевки» об «огне и крови революции», которыми человек «побеждает классовую рознь и материальное неравенство» (301). Он писал 12 сентября 1924 г. В. П. Правдухину, одному из основателей «Сибирских огней», о том, что хочет вернуться, по сути, не пасынком: «Очень, очень хочется мне быть понятым на родине как должно. Лишь тогда хочется вернуться и работать вместе с новыми и сильными людьми», но вернуться не рабом и увидеть «истинную широту и глубину работы сибирской интеллигенции, а не разухабистую “революционную” крикливость» (468). Потому и «Перегнутой» (1923) Л. Н. Сейфуллиной, жены Правдухина, одобрил, отметил ее большой талант, но

посоветовал ей избегать «нарочитого прославления политических тенденций» (468). Он не хотел, чтобы А. М. Горький воспринимал его противником советской России, хотел общения с «молодой русско-советской литературой» (476), отделял себя от эмигрантской литературы, просил об участии в издании и переиздании своих книг в Госиздате (письмо Горькому от 20 ноября 1927 г.). Более того, в статье-письме «Жизнь или существование? Письмо комсомолке Т. Н.» (апрель 1927) он по поводу советского атеизма высказался так: религии вели человечество к прогрессу и помогали строить культуру, установка на строительство пролетарской культуры есть комсомольское сектантство, а собственно коммунизм – это всеобщая религия, в коммунизме главенствует вера в высшие смыслы бытия. Вряд ли он стал бы своим в «штатах СССР».

Вопрос о возвращении в Россию и о возможной или невозможной адаптации на Западе стоял перед обоими. Есенин отплыл от берегов Америки 3 февраля 1923 г., Гребенщиков укоренился в США, прожил там остаток жизни (до 1964 г.). Заграница для Есенина – чужое место. О неприятии заграничного существования идет речь в его письмах (И. И. Шнейдеру от 21 июня 1922 г., А. Б. Мариенгофу не позднее августа 1922 г.). Есенин не скрывал, что там он «смешон»: «Конечно, во всех своих движениях столь же смешон для многих, как француз или голландец на нашей территории» [VI, 150–151], как сказано в письме к Мариенгофу от 12 ноября 1922 г., но, тем не менее, он «не желал говорить на этом проклятом англиском языке» [VI, 151], и самое лучшее в мире – «это все-таки Москва» [VI, 150]. Он противопоставлял Нью-Йорку Москву, писал: «В голове у меня одна Москва и Москва» [VI, 151]. Но Кусикову писал 7 февраля 1923 г.: «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется» [VI, 155].

Для Гребенщикова заграница – место вполне свое. Он выучил язык и принял правила той жизни. В его письме к другу, исследователю жизни

старообрядцев Алтая, казахского фольклора, археологу А. И. Белослюдову от 15 июня 1927 есть фраза: «<...> живу так, как не всякий житель Алтая может себе позволить» (475). Причем Америка в целом была предпочтительней эмигрантской среды. 7 декабря 1926 г. он писал Савченко о том, что «эмигрантщина становится невыносимой. Никаких достижений, распад, грызня, “яма” и – умирание» (473–474). 20 ноября 1927 г. он сообщал Горькому: «<...> во многом мешает <...> определенно враждебное отношение бывших людей из русской эмиграции» (477).

Американский период жизни Гребенщикова описан Ю. А. Азаровым¹⁰. На Помпереге в штате Коннектикут он основал деревню, в память об алтайском месте рождения названную Чураевкой. Первые колонисты Чураевки – белогвардейцы. Она стала культурной, просветительской ойкуменой, там бывали Ф. И. Шаляпин, С. В. Рахманинов, Н. К. Рерих, М. А. Чехов, М. М. Фокин, там жил И. Л. Толстой, купил землю и приезжал туда И. И. Сикорский. Там же находилось издательство Гребенщикова «Алатас» (с филиалами в Европе и Харбине). В конце 1930-х Гребенщиков переехал в Лэйкленд (штат Флорида), где в колледже он, профессор, преподавал русскую литературу. В Америке Гребенщиков раскрылся как писатель, издал свою многотомную эпопею «Чураевы» (первая книга – «Современные записки». 1921 – 1922. №№ 5 – 10, в США эпопея издавалась с 1925 г. по 1952 г.).

Есенин во время берлинского вечера 1 июня 1922 г. укорил Гребенщикова: «Почему вы не в России? Что, у вас голубая кровь? Ведь вы же наш брат Ерёма!..» (447). Гребенщиков не исключал своего возвращения в Россию, но сомнения были, как это видно из того же письма к Савченко: «Пиши мне, милый, побольше и откровенно посоветуй: собираться ли мне в Сибирь скоро или не спешить?» (475). Гребенщикова тревожит, дадут ли там ему работать так, как в Америке. Вопрос Есенина о собственном возвращении в Россию носил рефлексивный характер. То, что Есенин вернется, было очевидно. Не последнюю роль в этом играла семья, что

видно из его писем Мариенгофу, Шнейдеру, из письма Е.А. Есениной от 22 апреля 1923 г. Он в заботах о самочувствии родителей, о материальном положении сестры, З. Н. Райх. Мысли Гребенщикова о семье, напротив, усиливали сомнения в целесообразности возвращения. Из его письма к Н. К. и Е. И. Рерихам от 20 июня 1925 г. мы узнаем, что если его старший брат на Алтае живет своим хозяйством и построил сыну заимку, то второй брат после Ледяного похода оказался в Китае, вернулся, «был посажен в тюрьму и пытан так, что сошел с ума» (470), младший брат женат на учительнице, мечтал о создании в Барнауле книжной лавки, но этому препятствовали власти.

Общая тема Гребенщикова и Есенина – Америка глазами русского человека. Оба обратились к одному и тому же жанру. Оба оказались в Америке в первой половине 1920-х. Пароход «Париж» с Есениным на борту зашел в гавань Нью-Йорка 2 октября 1922 г. «Письма об Америке» Гребенщикова открываются очерком «В Америку», написанным на борту парохода «Левиафан» 27 апреля 1924 г. Оба не без опасений преодолели иммиграционный барьер на острове Эллис в устье Гудзона. Есенину помогла телеграмма А. Дункана, С. Юрока президенту США У. Дж. Гардингу. Чудесным помощником Гребенщикова стал некий русский чиновник. Но была принципиальная разница в целях прибытия в Америку и в той роли, которую она сыграла в судьбах того и другого, и соответственно – в настроении и идее, окрасившей восприятие чужой цивилизации.

В «Железном Миргороде» Есенина и очерках Гребенщикова «В Америку» (1924), «Новые берега» (1924), «Первые впечатления» (1924), «Горною тропинкой» (1924) есть сходные описания и противоположные взгляды.

Оба проецируют американскую цивилизацию на русскую жизнь. У одного – ассоциации Америки с Миргородом (ироническая коннотация), у другого – с Алтаем (ностальгическая коннотация). Есенин чаще

противопоставляет Америку России. Например: «Вспомнил про “дым отечества”, про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за “Русь” как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию» [V, 163]. Гребенщиков не раз ностальгически замечал сходство Америки с Алтаем, нашел в ней то, что «имел только на Алтае, – тишину, чистоту и независимость» (298), как сказано в «Основании скита». В его представлениях Сибирь, еще более великая, пребывает «в культурном младенчестве» (407), а США – эталон государственности, опирающейся на принципы свободы, «величайшее из свободных государств на новом первобытном месте» (406).

Н. А. Бердяев так писал об «американизации русских людей»: их «мечтательность и фантазерство перешло в дело, в строительство»¹¹. Это полностью соответствует образу жизни Гребенщикова и не имеет никакого отношения к Есенину. Но Бердяев полагал, что в русском сознании интерес к технической цивилизации проявился специфично: «Техника не есть обыденное дело, прозаическое и столь привычное западным людям, она превращается в мистику и связывается с планами почти космического переворота»¹², что нехарактерно ни для Гребенщикова, ни для Есенина.

У обоих писателей априори сложился образ Америки. Для Гребенщикова она – страна Гайаваты «с его славной трубкой мира» (401), как он писал в «Новых берегах». Гребенщиков в целом, направляясь к берегам Америки, выстроил для себя оправдательную идеологию: он любит приключения, он направляется в страну свободы, «побежденные у себя дома, русские идут мир завоевывать» (397), «покинувшие родину почти всегда находили ее в Америке» (395) и проч. Он сожалел по поводу закона Джонсона–Рида от 26 мая 1924 г. об ограничении иммиграции иностранцев в Соединенные Штаты. Но и после трех лет труда, терпения Гребенщиков продолжал считать, что Америка – страна неограниченных

возможностей; исчезла иллюзия легкой удачи, его «мечтательность и фантазерство», действительно, переросли в деловитость.

В есенинском сознании образ Америки как страны Гайаваты растаял, по-видимому, быстро. «Дикий народ пропал от виски. <...> Гайавату заразили сифилисом, опоили и загнали догнивать частью на болота Флориды, частью в снега Канады <...> дикий Гайавата уже не охотится здесь за оленем» [V, 168]. Как Гребенщиков, он увидел Америку созидающей, там «все взрыто и навалено как попало, как бывает при постройках. Страна все строит и строит» [V, 170]. Но сам Есенин в Америке – человек со стороны, от него не требовалось деловитости, проявленной Гребенщиковым. Отправляясь туда, он надеялся не на собственную предприимчивость, а скорее на деньги Дункан. Как сказано в письме к Мариенгофу от 12 ноября 1922 г.: «Изадора прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее б́анки и з́амки, о которых она пела нам в России, — вздор. Сидим без копеечки, ждем, когда соберем на дорогу, и обратно в Москву» [VI, 150].

Восхищение Есенина и Гребенщикова материальной культурой, по сути, не оставило места и космогоническим сентенциям. Удивляло их одно и то же: фабричный дым над городом, небоскребы, уличные огни. В очерках Гребенщикова звучит апология «гиганта города», небоскребов в пятьдесят пять или сорок этажей – «вавилонских башен» (401), «настоящего чуда современной строительной техники» (404), «бесчисленных огней» (405), смывающей хлам техники, «только американцам доступной» (404), «особой землечерпальной машины» (405), «воздушной линии элевейтора» (405) и т.п. Восторг Есенина исключительностью индустриальной Америки такой же: «Здания, заслонившие горизонт, почти упираются в небо. Над всем этим проходят громаднейшие железобетонные арки»; Бродвей – «что-то головокружительное. Этого нет ни в одном городе мира»; «Нью-Йорк в темноте еще величественнее. Копны и стога огней кружились над зданиями, громадины с суровой мощью вздрагивали в зеркале залива», «море электрических афиш» и т.п. [V, 164, 165, 169, 165, 170]. Увиденное побудило

к мысли о невыразимости столь урбанистического величия: «Разве можно выразить эту железную и гранитную мощь словами?! Это поэма без слов. Рассказать ее будет ничтожно. Милые, глупые, смешные российские доморощенные урбанисты и электрификаторы в поэзии!» [V, 164].

Есть ли связь между понятием «индустриализация» и «духовность»? Во-первых, в очерках Гребенщикова американцы – «с неслыханными духовными возможностями» (406). В «Инонии» (1918) бездуховная Америка осуждалась, но в «Железном Миргороде» авантюризму и рационализму американцев придана позитивная коннотация. Во-вторых, Гребенщиков идею построения хорошей жизни противопоставил народной вере в Божий промысел, в пути Господни, увидел ее причину в невежестве и отсутствии веры в лучшее, отметив в себе следующее: «Я сам вовсе не такой прыгун на небо, чтобы слепо верить в хорошо прилаженных богов» (336). С этими мыслями он обратился к М. Л. Слониму («Что всего нужнее народу? Письмо профессору N. N.». 22 октября 1926 г.). Он, сам из «темного» народа, высказался против «русской мягкотелости», «изысканной интеллигентской неопределенности» (336) и ждал для народа от интеллигенции прививки креативности, практичности в созидании лучшей жизни. При этом он отметил следующую церковную переориентацию интеллигенции: «Для меня совсем неважно и неинтересно, что часть нашей интеллигенции валом валит теперь в церковь. Это превращение из скептиков или из декоративных богомольцев в искренно верующих произошло, конечно, благодаря удару революции, но это как раз и показывает силу той народной, пусть несовершенной и слепой веры, которую пока ничем лучшим никто заменить ему не смог. И получилось странное перемещение: интеллигенция, тот самый мозг нигилизма, который более столетия старался подточить народную простую веру, пошла в церковь, как к последнему пристанищу, а народ в большинстве ушел из церкви, он оказался на улице и в кабаке и, освобожденный от страха божия, освободил себя и от морали, и, по вашим же словам, “стал хуже и темнее и преступнее”» (336–337). При этом

Гребенщиков – верующий человек. Пример в его трудах по устройству Чураевки – Сергей Радонежский.: «<...> и всегда ношу в себе образ Сергия, трудившегося так, как нам и мечтать не приходится» (из письма к Рерихам 20 июня 1925 г.) (470). В 1938 г. вышла его книга «Радонега». Есенин более категоричен: «Америка внутри себя не верит в бога. Там некогда заниматься этой чепухой. Там свет для человека<...>»; «Когда все это видишь или слышишь, то невольно поражаешься возможностям человека, и стыдно делается, что у нас в России верят до сих пор в деда с бородой и уповают на его милость» [V, 167, 170].

Гребенщиков, заражаясь энергией американцев, писал, однако, Горькому 22 ноября 1927 г. и о том, что ему мешает их «мещанский консерватизм» (477). Замечание достаточно корректное, в отличие от есенинских слов о продажных журналистах и в целом провинциализме внутренней культуры американцев. Если Гребенщиков в «Первых впечатлениях» написал: «<...> коренные нью-йоркцы правы, утверждая, что нет в мире более чудесного и более своеобразного города, чем их Нью-Йорк» (406), то Есенин в таком общественном нарциссизме увидел провинциальность, отзвук Миргорода: «Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение» [V, 173].

Грандиозной промышленной культуре Есенин противопоставил гуманитарную. Он писал Мариенгофу о том, что искусство никому «не нужно», душа «лишняя» [VI, 151], изданные переводы их поэзии выглядят «убого очень» [VI, 153]. В «Железном Миргороде» отмечена роль инационального сегмента в культуре Америки: песни, танца афроамериканцев, литература и театр евреев. Гребенщиков в «Русском жемчуге» (1924) славил русскую культуру, проявившую себя в Америке, но культура самой Америки в те годы не стала темой его статей.

¹ Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А. И. Михайлова; Сост., подгот. текста, примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 225.

² Гребенщиков Г. Д. Серёжа Есенин // Гребенщиков Г. Д. Собр. соч.: В 6 т. / Сост., подгот. текста Т. Г. Черняевой; примеч. Л. И. Ермаковой, Т. Г. Черняевой. Барнаул: Барнаул, 2013. Т. 4. С. 446–448. Здесь и далее тексты Гребенщикова приводятся по данному изданию с указанием в скобках номеров страниц. Воспоминания Гребенщикова о Есенине ранее публ.: Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. / Вступ. ст., сост., коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М.: ИНКОМ, 1993. Т. 1. С. 98–100.

³ Студенческие годы. 1924. № 3 (14). С. 38; Студенческие годы. 1925. № 2 (19). С. 32. Савченко Илья Григорьевич эмигрировал в 1920 г., в Праге получил юридическое образование, переселился в Париж. Цит. по: Николаев Д. Д. Русская эмигрантская периодика в Чехословакии // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Общ. ред. О. Н. Михайлова; Отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 378.

⁴ Ионов И. И. Из берлинских впечатлений: Эмигранты // Петроградская правда. 1922. 21 июля. № 161. Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. / Ин-т мировой лит. РАН. Т. 3. Кн. 2 / Гл. ред. А. Н. Захаров; Сост.: А. Н. Захаров, С. И. Субботин; Сост. разд.: М. В. Скороходов, Н. И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 65.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Оцуп Н. Сергей Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 1. С. 164.

⁷ Есенин С. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 2 / Подгот. текстов и коммент. – С. И. Субботин. М.: Наука; Голос. 1997. Далее указанный том цитируется в тексте с указанием страниц.

⁸ Есенин С. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 5 / Сост. и коммент.: А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, Е. А. Самоделова, С. И. Субботин, Н. Г. Юсов. М.: Наука – Голос. 1997. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы.

⁹ Есенин С. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 6 / Сост. и общ. ред. – С. И. Субботин; Подгот. текстов и текстологич. коммент.: Е. А. Самоделова, С. И. Субботин; Реальный коммент.: А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, С. С. Куняев, Г. Маквей, Ю. А. Паркаев, Ю. Л. Прокушев, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. И. Шубникова-Гусева, Н. Г. Юсов. М.: Наука – Голос. 1999. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы.

¹⁰ Азаров Ю. А. Основатель Чураевки // Азаров Ю. А. Диалог поверх барьеров. Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). М.: Совпадение, 2005. С. 265–291.

¹¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма / Послесл. А. Л. Андреева; Примеч. В. Н. Чекалова. М.: Наука, 1990. С. 116.

¹² Там же.